

В этот момент нахмуренные брови Сяо Юньцзиня постепенно расслабились, и жгучая боль в его теле ослабла. Даже во сне он уверенно произнес:

— Учитель.

Рука Цинь Чаньюаня дрогнула. Он выдохнул и продолжил облегчать страдания Сяо Юньцзиня.

Всю ночь Цинь Чаньюань не останавливался. К утру его лицо стало бледным, он был истощен духовной энергией, и у него кружилась голова. Убедившись, что яд Гу больше не действует на Сяо Юньцзиня, он наконец расслабился, потер виски и на время покинул душную комнату.

Он не знал, что как только он вышел, Сяо Юньцзинь начал приходить в себя.

Сознание Сяо Юньцзиня было еще затуманено. Он помнил только, что вчера вечером был слишком занят и забыл, что наступила ночь полнолуния. Когда он наконец вспомнил, было уже слишком поздно. Он попытался незаметно покинуть двор, но не смог выдержать и, в облике Сяо И, потерял сознание по пути в кабинет.

Сяо Юньцзинь потер слегка болящий лоб. Как он упал, когда и где — все это было для него полной загадкой.

Он молча смотрел на свои руки, понимая, что после потери сознания он больше не мог поддерживать иллюзию и вернулся в свое истинное обличье. Теперь он только надеялся, что никто не заметил его настоящего вида.

Прошлой ночью... Может, это был галлюцинация? Ему снилось, что учитель пришел, чтобы избавить его от яда.

Нет, это не было галлюцинацией или сном. Он ясно чувствовал, как боль ослабевала.

Может, это был хозяин этой комнаты?

Может, его учитель и есть хозяин этой комнаты?

Сяо Юньцзинь вдруг заволновался. Он медленно поднял голову, и в его карих глазах загорелся слабый свет.

Учитель, ты действительно вернулся, правда?

Сяо Юньцзинь с надеждой смотрел на дверь, как раз в тот момент, когда красивая рука с тонкими пальцами коснулась полуоткрытой створки.

В этот момент сердце Сяо Юньцзиня заколотилось.

Затем дверь открылась, и прежде чем Сяо Юньцзинь увидел лицо, он услышал голос:

— Эй? Наставник, ты уже встал? Ты голоден? Я принес немного рисовой каши.

Голос был знакомым.

Затем Сяо Юньцзинь увидел улыбающееся и крайне раздражающее лицо Цинь Чаньюаня.

Свет в его глазах погас, и мир рухнул. Сердце, которое только что билось на пределе, замерло.

Конец света наступил. Сяо Юньцзинь почувствовал, как его сердце умирает.

Нет, его учитель никак не мог быть этим нарушителем порядка.

Но, сохраняя слабую надежду, Сяо Юньцзинь тихо спросил:

— Почему я здесь?

Цинь Чаньюань быстро сообразил и, не моргнув глазом, солгал:

— Я нашел тебя сегодня утром у двери, так что...

Сяо Юньцзинь точно уловил временную точку, упомянутую Цинь Чаньюанем, и почувствовал смесь облегчения и печали.

Он закрыл глаза, подавив последнюю искру слабости в своем сердце, и медленно поднял голову, холодно глядя на миску рисовой каши в руках Цинь Чаньюаня:

— В Академии запрещено выносить еду из столовой.

Цинь Чаньюань уловил нотки злости в его голосе.

На этот раз он действительно испугался Сяо Юньцзиня и, не зная, что делать, сказал:

— Наставник, я не подумал, но я предположил, что ты был без сознания всю ночь, и твое тело ослабло...

Сяо Юньцзинь прервал его:

— Не надо.

Цинь Чаньюань снова открыл рот, но в конце концов ничего не сказал и опустил голову:

— Наставник прав.

Он поставил миску с кашей на стол и поклонился Сяо Юньцзиню:

— После занятий я сам пойду к старейшине Ляньци, чтобы получить наказание.

Сяо Юньцзинь встал, и внезапное головокружение заставило его на мгновение замолчать, прежде чем он смог произнести:

— Если ты действительно хочешь исправиться, просто не создавай больше проблем.

Сказав это, он не дал Цинь Чаньюаню времени на ответ и ушел, не оглядываясь.

Когда он уже исчез из виду, Цинь Чаньюань наконец осознал, что Сяо Юньцзинь, по сути, простил его на этот раз.

Цинь Чаньюань долго стоял на месте, а затем усмехнулся.

Выйдя из двора, Сяо Юньцзинь все еще чувствовал слабость, но он смог сделать вывод, что Унянь вернулся и, вероятно, скрывался в Академии.

Сяо Юньцзинь проклинал себя за то, что потерял сознание прошлой ночью и не смог увидеть,

как выглядит Унянь сейчас.

—

Цинь Чаньюань привел себя в порядок, доел остывшую рисовую кашу и отправился на занятия.

Это был урок по Искусству алхимии, и преподаватель был известен своей строгостью. Цинь Чаньюань не хотел опаздывать из-за того, что завтракал в столовой.

Он бежал с книгами в руках и успел войти в класс как раз в тот момент, когда прозвенел звонок.

Искусство алхимии отличалось от других предметов тем, что акцент делался на практике, поэтому ученики обычно объединялись в пары и садились вокруг алхимических печей.

Войдя в класс, Цинь Чаньюань огляделся. Он пришел слишком поздно, и все уже разбились на пары, кроме Сяо И.

Тот сидел в одиночестве у печи, терпеливо листая страницы книги.

В этот момент Цинь Чаньюаня осенила мысль.

Если никто не будет добиваться Сяо И, неужели он действительно проведет всю жизнь только с книгами?

Цинь Чаньюань подошел к нему, не здороваясь, сел и постучал по столу перед Сяо И:

— Эй, какое совпадение!

Сяо И даже не оторвал взгляда от книги, но его губы сжались в тонкую линию.

Цинь Чаньюань с трудом сдерживал смех:

— Я не специально пристаю к тебе. Просто здесь только одно свободное место. Посмотри на себя, никто не хочет с тобой работать. Я просто пожалел тебя, если ты будешь так продолжать, ты совсем замкнешься. Кто-то должен это сделать, и я, как добрый человек, пожертвую собой...

Сяо И глубоко вздохнул, закрыл книгу и посмотрел на него:

— Заткнись.

Цинь Чаньюань замер. В этот момент прозвенел звонок на урок, и он мог только шептать:

— Сяо И, что с тобой?

Если он не ошибался, на лице Сяо И читалась усталость. Его лицо было бледным, губы бескровными, а обычно холодные глаза были полны бессилия.

Сяо И потер лоб и коротко ответил:

— Урок.

Цинь Чаньюань понял, что с Сяо И что-то не так, и благоразумно замолчал. Во время урока преподаватель объяснял материал, а Цинь Чаньюань видел, как Сяо И все больше устает, его

голова опускалась все ниже, будто он вот-вот заснет.

Цинь Чаньюань внезапно хлопнул его по бедру:

— Эй, друг!

Сяо И резко проснулся, выпрямился, его глаза наполнились кровью, и он молча смотрел на Цинь Чаньюаня.

Цинь Чаньюань почувствовал себя неловко под его взглядом. Он наклонился к Сяо И и шепнул:

— Сяо И, ты знаешь, насколько строг этот преподаватель? Как ты можешь спать на его уроке?

Сяо И с трудом потер виски, собрался с силами и начал внимательно слушать.

Во второй половине урока ученики перешли к практике. После занятия каждый должен был сдать приготовленные ими пилюли, которые преподаватель оценивал. Эти оценки влияли на общий балл, поэтому они были важны.

Цинь Чаньюань наблюдал, как Сяо И готовит рецепт. Сяо И был рассеян, и его рецепт был настолько запутанным, что Цинь Чаньюань не мог смотреть на это без содрогания.

Цинь Чаньюань вздохнул:

— Сяо И, знаешь, что преподаватель сказал мне на прошлом уроке, когда я невнимательно слушал и ошибся в рецепте?

Сяо И остановился и молча смотрел на него.

— Преподаватель очень строго сказал мне, что этот рецепт нельзя менять ни в коем случае, ни в одной академии ученикам не позволят это делать, даже Истинный человек Унянь не может.

Сяо И сжал губы.

Цинь Чаньюань оттолкнул его:

— Ладно, ладно, я сам сделаю. Ты контролируй огонь, раз уж мы в одной группе.

Но по какой-то причине Сяо И сегодня никак не мог сосредоточиться. Когда Цинь Чаньюань увидел, как Сяо И зажег печь, и из нее вырвалось пламя, он решил, что лучше все делать сам.

Особенно когда он увидел, как пламя вырывается из печи и чуть не касается руки Сяо И, который даже не пытался уклониться. Цинь Чаньюань отшвырнул его руку и сказал:

— Ладно, я сам. Иди почитай книгу, и помни, что ты мне должен.

Сяо И замер, но не сделал ничего лишнего.

А Цинь Чаньюань, глядя на его вялый вид, вдруг вспомнил, что давным-давно, на следующий день после того, как яд Гу действовал на Сяо Юньцзиня, он был таким же — не мог сосредоточиться и ничего не мог делать.